

С.М. Перевалов

Рим и Кавказ в древности: враги или партнеры?

С.М. Перевалов**

В кавказоведческой литературе последних десятилетий активно обсуждается вопрос о характере взаимоотношений Рима и Кавказа в древности, от первых прямых контактов римлян с кавказскими народами в ходе Митридатовых войн (92–63 гг. до н.э.) до государственной христианизации Римской империи и стран Кавказа (IV в. н.э.)¹. При изучении этого вопроса принято уделять внимание не только политическим и общественным структурам, но и людям по обе стороны подвижной границы, или, лучше сказать, контактной зоне двух цивилизаций. Человеческий фактор стоит отметить особо, поскольку общественный и государственный строй древних отличался от современных тем, что был связан не столько с территорией, сколько с населением. Когда мы говорим о своем отечестве – России, то подразумеваем, прежде всего, государство, органы власти и территорию. Для римлян отечеством (*patria*) было определенного типа сообщество людей, а государство именовалось *res publica* («общее дело»), *civitas* («община граждан») (см., напр.: [23, с. 56–62]). Носители второго неофициального государственного языка, греческого, также рассматривали римскую империю как «гражданскую общину римского народа»². В таком же ключе писали римские и греческие писатели о землях, находящихся за пределами империи: их интересовали народы, а не политические структуры (говорили: «парфяне», а не Парфия, «германцы», а не Германия и т.д.), договоры и соглашения заключались не с государствами, а с правителями, сама политика носила в гораздо большей степени субъективный характер и зависела от конкретных

людей, их предпочтений, симпатий и антипатий [69, р. 20].

Рим и Кавказ: чем они были друг для друга? В отечественной историографии XX века, а отчасти и XXI в., преобладал стереотипный и односторонний взгляд на проблему. Рим представлял в роли враждебной силы, агрессора, в то время как Кавказ и его народы – в роли защитников своих насущных интересов, исконной территории, самостоятельной местной культуры. Типично патристическая трактовка, с терминологией, перенесенной из сегодняшнего дня на две тысячи лет назад. Приведу в подтверждение несколько цитат известных историков на эту тему.

К.В. Тревер давала следующую общую характеристику кавказского направления римской политики: «Рим, стремясь к мировому господству, пытался подчинить себе и страны Востока, в том числе Армению, Иберию, Атропатену и Кавказскую Албанию. Народы Закавказья героически боролись за свою независимость. Они неоднократно поднимали восстания, только номинально признавали над собой в тот или иной неблагоприятный для себя период верховенство Рима и временно принимали его ставленников, и поэтому они не могут быть отнесены к числу покоренных Римом народов» [50, с. 4]. «В истории народов Закавказья I век до н.э. ознаменован первыми столкновениями с римлянами, что явилось началом многовековой борьбы армян, иберов и албан за свою независимость» [51, с. 87].

Схожей оценки удостоилась древняя Иберия, нынешняя Восточная Грузия. «Римская империя

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Римский Кавказ», № 09-01-00404а.

С.М. Перевалов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СОИГСИ.

¹ Термин «Кавказье» (*Caucasus, Caucasia, Kaukasien*), объективно говоря, точнее русского «Закавказья», и все чаще используется историками в качестве его заменителя: [74, р. 11–12, 33; 65, р. 7; 34, с. 224]. Под «Кавказьем» понимаются территории к югу от Большого Кавказского хребта, на которых располагались современные Армения, Азербайджан и Грузия. Ср. несколько иную точку зрения С.А. Панарина [37]. Территории нынешнего Северного Кавказа («Предкавказья» с российской точки зрения) лишь частично были захвачены кавказской цивилизацией и, по античным понятиям, относились к степной Сарматии (см.: [42, с. 57]: «междуречье Днепра и Волги и Северный Кавказ составляли территорию Сарматии, Скифии и Таврики»).

² Византийский писатель VI в. н.э. Иоанн Лид оставил сочинение, озаглавленное «О магистратах римской гражданской общины» (*Περὶ ἀρχῶν τῆς Ῥωμαίων πολιτείας*): именно сообщество граждан (народ, община) и понималось как государство даже в эпоху империи.

и парфянский Иран, затем сасанидская Персия стремились установить контроль в Кавказских проходах, которым и оправдывали свое стремление подчинить грузинское государство своей власти. Но каждый раз народ грудью защищал свободу своей родины» [18, с. 5].

Древняя Грузия вовлекала в орбиту своей политики и племена, населявшие древнюю Осетию (осов-овсов, аланов). «Основной тенденцией грузино-осетинских взаимоотношений с древнейших времен является совместная борьба против иноземных завоевателей. [...] Эта продолжительная борьба (в конце I в. н.э.) завершилась оформлением грузино-армяно-осетинского союза, направленного против иноземных завоевателей. По словам историка (Леонти Мровели. – **С.П.**), «стали друзьями армяне, грузины и осетины, и они совместно вели борьбу против врагов» [49, с. 3–7]. Широко постулировался тезис о тесном союзе северокавказских сарматов с Иберией и другими закавказскими государствами против Рима [8; 21; 36, с. 321 и сл.]³. Таким образом, трактовка антиримского исторического выбора кавказских народов распространялась не только на государство Кавказья, но на весь Кавказ, как Южный, так и Северный.

Почему такая антипатия к Риму? Ведь других завоевателей, тех же греко-македонян (носителей эллинистических начал), историки, как правило, оценивали в более позитивном ключе. «Очень важно отметить, что в то время как господство эллинизма было сочетанием эллинского и восточного начал, господство Рима, наоборот, утвердило в качестве универсальной формы социального бытия собственные национальные нормы, чуждые странам Востока. Понятно, что владычество Рима на Востоке – явление реакционное, а национально-освободительные войны народов Востока, направленные против Рима, – явление несомненно прогрессивное» [40, с. 48]. Как видим, причиной для негативного восприятия римского влияния на Кавказе являлась угроза (действительная или мнимая) самобытному существованию местных народов. В современных условиях на такую оценку работает проклинаемый многими представителями малых этносов процесс глобализации. Не учитывается, что «глобализация возникла вместе с человеком, что они с человеком сотворили друг друга. Глобализация и есть всемирная информационная система, и люди участвовали в ней, не боясь потерять свою племенную идентичность. Потери, конечно, имели место, но гораздо важнее были приобретения» [54, с. 153].

Негативистская трактовка римской политики на Кавказе сохранилась у ряда историков и в наше время, причем, ввиду обострившегося после

распада СССР национального вопроса (см. [47]), соответствующей переоценке – в сторону осуждения – подверглось и греческое влияние. Р.А. Габриелян уже ставит на одну доску римлян и «прежних насильников» греко-македонян: «Римляне приняли на себя миссию охраны, спасения, а в отдельных случаях, и восстановления господства эллинистической знати, выступая в роли не только консервативной, но и достаточно агрессивной силы. Римская экспансия была опасна и враждебна для народов всего региона и, прежде всего, для Армении и Атропатены» [12, с. 170]. «Армения была чуждой для Рима страной, поэтому привести ее к повиновению можно было только либо силой оружия, либо благами пожеланиями», – утверждает автор обобщающего труда по истории Армении [48, с. 82]. И здесь основанием для выводов является наличие опасности для самобытного развития кавказских народов. Несколькую иную, более мягкую позицию занимают современные грузинские историки, для которых именно древние связи с греческим и римским миром являются подтверждением средиземноморского происхождения и европейского выбора их цивилизации. Но и в грузинской историографии красной нитью проходит тема борьбы иберийцев (древних грузин) с римской агрессией за сохранение своей независимости [7, с. 173; 25].

Таков преобладающий фон исторических толкований римско-кавказских отношений в странах СНГ – бывшем СССР. Реакционная агрессивная политика Рима и прогрессивная борьба народов Кавказа за свою независимость, способствующая сохранению собственных национальных форм общественного бытия, – на этом противопоставлении строилось большинство объяснений интересующей нас проблемы. Прогресс и реакция – антагонистические понятия, так что в борьбе народов Кавказа с Римом усматривалась жесткая и непримиримая закономерность, накладывающая свой отпечаток на весь длительный – с I в. до н.э. по IV в. н.э. – период римско-кавказского симбиоза.

Сегодня понятно, что теория «национально-освободительной борьбы закавказских народов против римской агрессии» была детищем советской идеологизированной историографии, ставившей целью оправдать включение в состав Российской империи, затем – Советского Союза многочисленных народов с разной исторической судьбой, но объединенных СССР, чтобы стать флагами мирового исторического процесса – вершителями «первой в мире» социалистической революции, строителями коммунистического общества – высшей формы организации людей. Теория «национально-освободительной войны» в древности дублирует марксистскую трактовку антиколониальных движений XIX–XX вв. и не может

³ Немногие исключения лишь подтверждают правило. Ср. мнение В.Б. Виноградова об антиармянской (а не только антиримской) направленности осетино-грузинского союза [11, с. 171]. В переводной книге известного ираниста Н. Фрая подчеркивается, что «грузины и аланы в большинстве своем дружелюбно относились к Риму и испытывали влияние римской культуры» [53, с. 255].

Рис. 1. Помпей Магн.
Первый римский
полководец, дошед-
ший до Кавказских
гор в 65 г. до н.э.
Лувр, Париж

сложную картину римско-кавказских отношений, скорее благоприятствующих, нежели препятствующих развитию местных обществ и народов. Правда, нужно сделать оговорку, что имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники преимущественно греко-римского происхождения, и отражают, в основном, римскую точку зре-

считаться в полном смысле слова научной, основанной на фактах двухтысячелетнего прошлого. Сам термин «нация» ныне определяется как относительно поздний, появившийся в ходе социального и интеллектуального движения нового времени, не раньше [15]. Модернизаторская оболочка теории сама по себе является достаточным основанием для того, чтобы подвергнуть сомнению ее правоту, еще до обращения к материалам, исходящим из глубины древности.

А материалы дают, во всяком случае, более

оригинальная кавказская письменность и литература, полная противоречий и анахронизмов, формируются не раньше V в. н.э., вначале на армянской почве, затем – на древнегрузинской и албанской. Серьезные ученые предостерегают от прямолинейного их использования, без контроля со стороны более надежных памятников [4, с. 175; 26, с. 21–22]. Дополнительным источником являются немногие иранские (парфянские и сасанидские) официальные тексты, синхронные изучаемому периоду, и, хотя также отражают внешнюю точку зрения, в ряде случаев дают ценные добавления в картину римско-кавказских отношений.

До войн с понтийским царем Митридатом VI Евпатором (121–63 гг. до н.э.) римляне имели довольно смутные сведения о Кавказском регионе. Лукулл был первым полководцем, прошедшим земли Великой Армении (69–68 гг. до н.э.), а Помпей – территорию Албании, Иберии, Колхиды от Каспийского до Черного морей (65 г. до н.э.). Необходимость изучения театра войны потребовала знакомства с географией, этнографией, историей, политическим и общественным строем местных народов. Неудивительно, что со времен римского присутствия знания о Кавказе значительно пополнились. Страбон, Плиний Старший, Тацит, Флавий Арриан, Кассий Дион, писатели «Историй августов», Аммиан Марцелин оставили интересные наблюдения и зарисов-

Рис. 2. Кавказ в IV веке н.э.

ки из жизни кавказских народов, в которых отразилось и отношение к последним римлян и римских правителей.

Общая оценка римской политики в отношении иноземных народов отражена в высказывании грекоязычного автора Аппиана Александрийского (вторая половина II века н.э.), которую часто цитируют историки (см.: [57, p. 189]).

«Кое-кого в дополнение к бывшим прежде под их управлением народам императоры подчинили своей власти, а некоторые народы, пытавшиеся отпасть, они вновь покорили. Вообще же, владея лучшей частью земли и моря, они по мудрому решению предпочитали сохранять уже приобретенное, чем распространять свою власть до бесконечности на варварские бедные народы, которые не могли бы принести им никакой выгоды, из которых некоторых я видел в Риме прибывавших в качестве послов и отдававших себя в подданство, причем император не принимал их, так как видел, что ни в чем ему они не будут полезны. И другим народам, а таких было много, они сами давали царей, нисколько не нуждаясь в них для своей власти; даже на некоторых из своих подданных они тратили свои средства, считая постыдным для себя отказаться от них, хотя для римлян эти народы были убыточными. По границам своей империи они расположили войска в больших лагерях и охраняют такое огромное пространство земли и моря подобно крепости» (App. Rom. Proem. 7) [1, с. 8].

Комментаторы этого пассажа называли в числе тех, кто был принят в подданство по их же просьбе, царя Фарасмана Иберского в 130–50-е гг. н.э. (SHA Pius. 9.6; ср. Dio. 69. 15. 3), а среди царей, которых назначали, «нисколько не нуждаясь в них для своей власти», – армянского царя Сохема (144–161 гг. н.э.) [48, с. 81] и царя лазов (колхов) Пакора, поставленного императором Антонином Пием (SHA Pius. 9.6). Это примеры, а по словам древних, «exempla non docent», так что главный вопрос в том, в какой мере они соответствовали практике отношений Римской державы с подвластными народами.

Мы начали с высшего уровня международных отношений – с взаимоотношений носителей монархической власти, хотя и разного масштаба. То не были равноправные союзнические отношения, как стараются представить ситуацию нацио-

нальные историки стран Кавказа. «Отношения союзных территорий определялись [...] на основании особого договора *foedus non aequum*, посредством которого они присоединялись к империи. Этим путем неравная сторона отстаивала себе известные автономные привилегии при вступлении в состав государства» [5, с. 104]⁴. Принимаемые в подданство чужие правители получали официально статус царя, римского «союзника и друга» (*rex sociusque et amicus*), «друга цезаря и римлян» (*φιλόκαισαρ καὶ φίλорώμαιος*), фактическое же их положение получило в литературе метафорическое название «клиенты», хотя иногда, по словам самих древних авторов, напоминало «рабство» (*servitium*) [57, p. 7, 23]⁵. Рабство в отношении царей (Tas. Ann. 14.26), но не народов. «Клиентела» была мягкой формой подчинения, при которой цари-клиенты принимали римское гражданство (от императора, своего патрона), обязательство не вести самостоятельную внешнюю политику, выставлять в случае необходимости союзные войска, выдавать заложниками своих сыновей в Рим, в некоторых случаях – платить налоги, но внутреннее управление страной оставалось за ними.

В объяснение римской политики можно положить известную теорию империи, как государства «без бюрократии» (*government without bureaucracy*). Известно, что слабость центральной бюрократии в Риме компенсировалась развитой сетью самоуправляющихся гражданских общин (полисов, муниципий, колоний) [64, p. 26]. Отсутствие развитого централизованного имперского аппарата («вертикали власти») способствовало переносу того же принципа непрямого руководства на политику в отношении вассалов: римлянам было более выгодно переложить груз ответственности за наведение порядка на местных царей-клиентов, нежели создавать объемные и дорогостоящие структуры управления завоеванным краем [81, p. 182].

Отношение Рима к своим вассалам – правителям подвластных территорий на Кавказе – хорошо иллюстрируют трактаты Флавия Арриана (особенно важен «Перипл Понта Евксинского», написанный ок. 132 г.), известного греческого писателя и крупного администратора, императорского легата пропрефекторского ранга (*legatus Augusti pro praetore provinciae Cappadociae*), в те-

⁴ О неравноправии между Римом и покоренными, как определяющей черте римского империализма, см.: [81, p. 177–178].

⁵ Глубокий знаток античной культуры Иосиф Бродский хорошо отметил подчиненное, в условиях римских нравов даже приниженное положение вассального царя в своих стихах *Post Aetatem Nostram*: римский «Наместник, босиком, собственноручно / кровавит морду местному царю / за трех голубок, угоревших в тесте / (в момент разделки пирога взлетевших, / но тотчас же попадавших на стол). / Испорчен праздник, если не карьера. / Царь молча извивается на мокром / полу под мощным, жилистым коленом / Наместника». Варварская привычка во всем подчиняться сильнейшему всегда поражала греков и римлян. Попытка армянского царя Тиграна II Великого пасть к ногам своего победителя Помпея была сочтена «самым постыдным» делом (Plu. Pomp. 33). Спустя четыре с лишним века та же участь постигнет вождя аламаннов Хондомария, который, попав в плен к Юлиану (тогда еще цезарю), до такой степени пал духом, что пал к ногам победителя. Аммиан Марцеллин дает такую оценку его поведению: «У варваров в характере унижаться в несчастьях и превозноситься в счастье» (Amm. Marc. 16. 12.61).

чение семи лет исполнявшего обязанности наместника Каппадокии – провинции, выдвинутой как бастион в направлении Кавказа. В компетенцию Арриана, наместника «вооруженной» (*armatus*) провинции с двумя легионами, обладателя делегированной императором части империя (высшей власти), входил контроль за неспокойными государствами и племенами Кавказа, как внутри провинции, так и за ее пределами. Арриан практически подходил к своим обязанностям и трезво оценивал местное население, как греков прибрежных городов, так и «варваров» хинтерланда. Оценка в целом была критической, и основанием служила удаленность от классических греческих образцов, их «варваризация» [61, р. 179 ff.]: искажение имени Апсирт в Апсар, как и других греческих названий (*Arr. Per. 6.3*), порча греческого языка в надписи на алтаре в Трапезунте (*Per. 1.2*), низкое качество, отсутствие сходства скульптур императора и божеств и т.д. (*Per. 1.3–2.2*).

Таким образом, главное размежевание, с точки зрения носителя римской имперской идеи, каким был Арриан, шло не по линии противопоставления Рима Кавказу, а по линии борьбы с варварством, как антиподом цивилизации, общечеловеческих ценностей. Перед Аррианом, римским легатом, естественно, стояла задача романизации Кавказа, но осуществлялась эта программа преимущественно в форме эллинизации, с использованием многовекового опыта прививки греческой культуры к местным условиям.

Другое направление римской политики на Кавказе – укрепление правовых начал. Трактат Арриана пронизывает мысль, что стабильность и процветание связано с надежной, лояльной Риму царской властью на местах. Вопреки широко известной теории Э. Латтвака [67] о плановой замене в I–II вв. н.э. «клиентских» государств римским провинциальным управлением, на Кавказе в течение всего периода сохранялась власть местных династий: Рим удовлетворялся непрямым правлением в регионе. Арриан в «Перипле» подробно перечисляет Адриану причерноморские племена и их правителей, не забывая уточнить, насколько легитимна власть последних (*Arr. Per. 7.3; 11.1–3*): царь апсиров, Юлиан, как и царь махелонов и гениохов Анхиал (известен также Кассию Диону: *Dio 68.19.2*), получил царство от Траяна, остальные: царь лазов Маласс, абасгов – Ресмаг, санигов – Спадаг – от самого Адриана, как и царь зилхов Стахемфак (*Arr. Per. 18.3*). По Арриану, опасность заключалась не столько в сильной власти кавказских царей (даже такого амбициозного, как ибериец Фарасман II), сколько в безвластии, ведущей к анархии. Такими «безначальными» племенами были соседи трапезунтцев санны, в отношении которых Арриан недвусмысленно обещает применить силу. «Народ этот не имеет царей и с давнего времени обязуется платить дань римлянам, но, занимаясь разбой-

ничеством, они платят взносы неаккуратно; впрочем, теперь, бог даст, они будут аккуратны, или мы выгоним их из страны» (*Arr. Per. 11.1–2*) [44, с. 178]. Легат Каппадокии располагал армией из двух легионов и не менее 15 конных или пехотных ауксилиев (частей вспомогательных войск), всего 22 000–23 000 человек, и мог, конечно, в случае необходимости организовать карательную экспедицию, так же как отразить нападение кочевых племен (тех же аланов, как в 136 г. н.э.). Но стремления обратить спокойные и самоуправляемые территории под непосредственную власть императоры не проявляли: за редкими исключениями (например, в правление Траяна) цари Армении, Иберии, Албании, Колхиды (позднейшая Лазика) сохраняли свои владения до самого конца римского периода. Таким образом, римское владычество не представляло особой опасности для властной элиты кавказских племен и государств при сохранении внешней лояльности.

Последняя, впрочем, давалась нелегко из-за наличия серьезного конкурента. Кроме Рима, на кавказские земли претендовала еще одна мощная сила – Иран, находившийся под властью парфянских Аршакидов до 224 г. н.э., а с 224 г. – под властью создавших Новоперсидское царство Сасанидов. Иранское влияние при Сасанидах было особенно сильно в прикаспийской Албании и Армении, занимавшей промежуточное положение в споре двух держав, доходило до отдаленной Иберии. В длительной борьбе Рима (Византии) и Ирана к концу IV века чаша весов склонилась в пользу Сасанидов, в V веке основное яблоко раздора – Великая Армения, где правила собственная династия армянских Аршакидов, была поделена между Римом и Ираном, которому досталось 4/5 армянской территории. За Восточным Римом (Византией) сохранилась сравнительно небольшая часть кавказских земель, включая Иберию (Картли). И тем не менее в современной историографии Кавказ первых веков нашей эры предстает скорее отдаленной частью античного мира, нежели иранского. Более того а именно римское влияние мы отмечаем в качестве определяющего фактора в формировании кавказской цивилизации. Каковы причины?

Мы уже говорили, что с точки зрения политических отношений с клиентскими государствами (Колхидой, Арменией, Иберией, Албанией) Рим придерживался принципа непрямого правления, вполне устраивавшего местную элиту. Что касается военного присутствия римлян на территории кавказских (как и других «клиентских») государств, то, как отмечают исследователи, местные цари, страдавшие от частых набегов северокавказских варваров, были заинтересованы в ней не в меньшей, если не в большей степени, чем римляне [8, с. 32; 10, с. 52; 39, с. 177; 57, р. 91–99]. Не следует искать «конфликтные ситуации там, где их на самом деле не было» [10, с. 34]. По мнению Х. Хайнена (высказанному в отношении

другого «клиентского» государства – Боспора), «дружба с Римом и «национальная» традиция выступали не как противоположности друг другу, а как двойная, взаимодополняющая конструкция» [39, с. 177. Прим. 32].

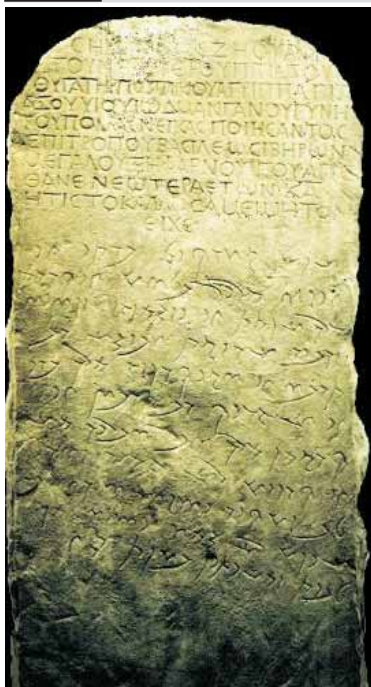
Для Кавказа эта конструкция была тройственной, с учетом двух очагов влияния – с Запада и Востока. Как определить соотношение между римским – западным влиянием и иранским – восточным? Общее мнение сводится к тому, что ведущая страна региона Армения, а в значительной степени и другие области, были в культурном отношении теснее связаны с Ираном [65]. Следует подчеркнуть, что речь идет прежде всего о местной элите, нахарарах («сатрапах» греческих писателей, «префектах» – римских). Их политический выбор не был однозначным и менялся в зависимости от обстоятельств. Говоря о вторжении римского полководца Корбулона в Армению (58 г. н.э.) для свержения ставленника парфян Тиридата Аршакида, Тацит писал: «Армяне, двуличные и непостоянные, призывали к себе и то и другое войско; по месту обитания, по сходству в нравах, наконец, из-за многочисленных смешанных браков они были ближе к парфянам и, не познав благ свободы, склонялись к тому, чтобы им подчиниться» (Тас. Анн. 13.34). Но прошел год, и военная ситуация изменилась в пользу римлян. «Корбулон уже держал в своих руках всю Армению, когда прибыл Тигран, избранный Нероном ее властителем; он происходил из каппадокийской знати, был внуком царя Архелая, но длительное пребывание в Риме заложником воспитало в нем рабскую приниженность. Принят он был не всеми с одинаковой готовностью, так как некоторые все еще питали привязанность к Аршакидам; но большинство ненавидело парфян за надменность и предпочитало иметь царя, присланного из Рима» (Тас. Анн. 14.26). В итоге дело кончилось компромиссом и назначением Тиридата римским ставленником, но вообще такие колебания местных верхов были нормой до той поры, пока не сформировались устойчивые национальные интересы.

В целом Рим демонстрировал толерантность, не посягая на традиции и религию (впитавшую в себя ряд эллинистических культов) кавказских народов; в отличие от Сасанидов – носителей зороастрийской религии. Надежность союзнических отношений с Римом упрочилась после свержения Сасанидами Аршакидской династии в Иране (224 г.), из-за чего армянские Аршакиды вплоть до ликвидации самостоятельного армянского царства (428 г. н.э.) сделали злейшими врагами Сасанидского Ирана [28, с. 170]. Однако весьма показательно, что армянские источники, в отличие от античных, дают иную трактовку истории своего народа. Греко-римские авторы обращают особое внимание на «царства», возглавляемые правителями (Малая и Великая Армения, Софена и т.д.) и подчиняющиеся Риму

(Византии) или Ирану, армянские историки (Фавст Бузанд, Мовсес Хоренаци) представляют свою страну единой, без деления на Великую и Малую, хотя и децентрализованной и поделенной на «нахарарства» страной. [77, р. 509]. Не случайно в договорах Восточного Рима с Сасанидами предусматривался запрет на строительство пограничных крепостей, препятствовавших перетоку населения из византийской Армении в персидскую и наоборот (Proc. De Aedific. 2.1.5; 3.3.9–11) [24, с. 377]. Римские гарнизоны даже после резкого изменения стратегической ситуации в 260 г. н.э. (крупного поражения императора Валериана от Шапура I) оставались на своих местах вдалеке от пограничных рубежей. Переход через границу для местных жителей не представлял никакого труда [77, р. 509]. Как римлян, так и иранцев вполне устраивал контроль за лояльностью нахараров, без установления жестких кордонных линий.

Как это согласовать с распространенным представлением о римлянах как носителях идеи всемирного господства? В менталитете римлян, безусловно, присутствовало представление об истории, как продукте творения богов, давших Риму управление над миром, понимаемое как религиозная миссия. Вергилий писал: *tu regere imperio populos, Romane, memento* – «помни, римлянин, что тебе назначено править народами» (Verg. Aen. VI. 851–854). Однако цель римской имперской идеи – установление «божественного мира» (*pax deorum*). Мир признавался выше войны (Cic. De leg. 2.21), а оправданием последней был ее «справедливый характер». *Pax* означал определенное соглашение об окончании или прерывании войны и одновременно – состояние порядка и безопасности внутри государства, куда входили не только собственно римские земли, но и клиентские государства, со времени раздела Августом территории государства на сенатскую и императорскую относившиеся к последним. «К части Цезаря принадлежали цари, правители и декархии, и так было всегда» (Strabo 17.3.25. Р. 840). В эпоху принципата римская экспансия была приостановлена, отчасти сознательно, и имперское понятие *Pax Romana* («римский мир») включало, наряду с миром внутри государства, умиротворение (не обязательно завоевание) соседей на условиях Рима. Во всяком случае, представлять Рим в качестве перманентного агрессора было бы неправильно [43].

Наряду с этим система ценностей элиты римского общества включала сакрализованные понятия чести (*honor*), славы (*fama*), достоинства (*dignitas*), величия (*maiestas*), доблести (*virtus*), сказывавшиеся на характере римской внешней политики, мало склонной к принципиальным компромиссам [69]. Можно говорить о милитаризации менталитета, но практически мыслящим римлянам была чужда идея «священной войны» с неверными до победного конца. Общий харак-

**Рис. 3. Армазская билингва
II века н.э. с именем
Публикия Агриппы**

тер римской религии, ее идеологическая открытость и терпимость, позволяли избегать конфликтов, замешанных на религиозных или национальных чувствах (одно из редких исключений – иудейские войны).

Кроме того, на кавказском направлении римская политика (это хорошо показано у Арриана) шла по стопам эллинизма, синкретичные и космополитичные религиозные и философские системы которого способствовали сближению с местным населением, имевшим

многовековой (как минимум с VI в. до н.э.) опыт знакомства с греками и греческой культурой. Романизацию иногда представляют упрощенно (и иронично) как чисто внешнее явление: «распространение римских бань, тог, римских имен на покоренные народы» [66, р. 9], что, конечно же, не так. Романизация на Кавказе осуществлялась преимущественно в форме эллинизации, и как таковая была более приемлема для кавказцев. Другой способ романизации местного населения – через приобщение к римской культуре во время службы в ауксилиариях, вспомогательных частях римской армии, служба в которых давала ветеранам римское гражданство [63, р. 80].

С экономической точки зрения обеим сторонам (Риму и Кавказу) был выгоден обмен товарами между местными жителями и античными (греческими, римскими, понтийскими) торговцами в Колхиде и других областях римского Кавказа [10, с. 42–44; 29, с. 87]. Диоскурия-Себастополис, куда сходились для торговли представители до 70 или даже 300 кавказских племен (Strabo. 11.2.16) – лишь один из примеров. Прокопий (VI в. н.э.), возможно, и преувеличивает бедность Колхиды (см.: [59]), утверждая: «нет у них (лазов. – **С.П.**) ни соли, ни зерна, никаких других благ; продавая невыделанные шкуры, кожи и добытых на войне рабов, они приобретают себе все необходимое» (Proc. Bell. Pers. II, 15, 5), но то, что благополучие страны было тесно связано с торговыми контактами, подмечено им верно. Определенную роль в установлении стабильных отношений с кавказцами играл каспий-

ско-понтийский участок транзитного Великого шелкового пути из Центральной Азии через Каспий, реки Куру и Фасис (Риони) в Черное море (Strabo. 9.7.3; Plin. NH. 6.52), функционирование которого было выгодно всем контрагентам международной торговли Кавказского региона [41].

Наконец, личные контакты римлян и кавказцев. В общение друг с другом вступали не только цивилизации, армии, товары, общались люди, создавая плотную сеть межличностных связей, не признававших политические или национальные границы. Среди армян, иберов, колхидян мы встречаем много персонажей, причем из высших слоев общества, чьи имена, наряду с армянскими или иранскими составляющими, включают римские личные или родовые названия. По надписям известно, что представители царского семейства Армении в эпоху Юлиев-Клавдиев носили римское родовое имя Юлиев, эпитафия II в. н.э. из Рима содержит имя Аврелия Пакора, «царя» Малой Армении предположительно в 140-е гг. [57, р. 43], сменивший его в качестве царя всей Армении Сохем был римским сенатором и даже получил высший пост назначенного консула, *consul designatus* (Iamblich=Phot. Bibl. 94) [76, р. 24–26]. Среди царей в древней Иберии известен, по надписи на серебряном блюде, один, носящий родовое имя римских императоров 69–96 гг. н.э. Флавиев – Флавий Дад [57, р. 43].

Эпитафия со знаменитой армазской (греко-арамейской) билингвы II в. н.э. из древней Грузии (рис. 3) скорбит о рано умершей 21-летней Серафите, дочери Зеваха и супруги Иодмангана, сына Публия Агриппы (чисто римское имя), занимавшего высокий пост питахша в иберийском обществе [57, р. 51. Not. 34; 65, р. 16]. Историки до сих пор гадают, был ли Агриппа римским офицером, внедренным в свиту иберийского царя, или романизированным ибером. Как бы то ни было, перед нами еще один пример не только контактов, но и совместного проживания «местных» и «пришельцев».

Любопытна и найденная в Абхазии (дата колеблется от II до IV в. н.э.) выполненная в поздне-античной традиции инталья (рис. 4) с изображением вполне романизированной семьи из трех человек (двое мужчин, одна женщина), однако носящих имена восточного происхождения, записанные по-гречески [16, с. 168]. Таким образом, элита кавказского общества до некоторой степени была смешанного характера, и находилась под сильным влиянием античной культуры.

И, наконец, к числу самых заметных проявлений римского влияния следует отнести становление самой кавказской цивилизации. До конца античной эпохи кавказские государства не слишком отличались от окружающих их азиатских, эллинистических, либо эллинизированных обществ. Однако в IV–V веках н.э. наступает ре-

шительный перелом. Советские историки связывают этот сдвиг с наступлением феодальных отношений [17, с. 8, 114]. Сейчас на этот вопрос смотрят шире и включают в число факторов, определивших особый характер кавказской цивилизации, прежде всего христианизацию всех основных кавказских народов (Армении, Иберии, Албании), появление оригинальной письменности и литературы [6]. Причем, по мнению современного исследователя, «чаще всего инициаторами крещения становилась не Византия, а сами варварские правители, которые надеялись путем христианизации попасть в сообщество цивилизованных стран» [19, с. 332]. Со стороны Восточного Рима (Византии) христианизация носила стихийный характер и осуществлялась не столько усилиями императорского или церковного руководства, сколько активностью самих христиан, связанных с Кавказом. Христианизация Иберии (Грузии) ок. 337 г. н.э., как известно, началась с того, что попавшая в плен каппадокиянка Нина «убедила вождя этого народа послать к римскому императору и просить, чтобы был им отправлен учитель благочестия» (Theodoretі HE, p. 76) [19, с. 45]. Христианство в Армению (314 г. н.э., как наиболее вероятная дата) занес малоазийский резидент из Кесарии Григорий Просветитель, активный проповедник и в других областях Кавказа. Все это указывает на плодотворность контактов римских подданных и кавказцев, которые в

Рис. 4. Инталия из Абхазии (предположительно III–IV вв. н.э.) с портретными изображениями трех персонажей: Нины (слева), Улривиса (в центре), Уззаниса (справа). Варианты чтения: Нина, Виз (вверху), Анис (справа) и Улривис (внизу) как родовое имя [16, с. 168; 61, р. 196]. Ср. у Г.Ф. Турчанинова, читавшего надпись по-осетински: «Нина есть – ее семейство есть – на груди есть» [52, с. 157–158]

итоге привели к серьезным трансформациям в самом местном обществе. А условия, как мы не раз говорили, были подготовлены несколькими веками существования в Кавказском регионе античной цивилизации на высшем этапе ее развития – Римской империи.

Источники

1. **Аппиан Александрийский.** Римская история. Пер. с греч. – М.: ООО Издательство АСТ, «Ладомир», 2002. – 878, [2] с.
2. **Arrien. Périple du Pont–Euxin. Texte établi et traduit par.** A. Silberman. Paris, 1995.

3. **Флавий Арриан.** Диспозиция против аланов. Вст. ст., пер. с древнегреч. и коммент. С.М. Перевалова / Вестник древней истории (ВДИ). 2001. № 1. С. 236–243.

Литература

4. **Абегян М.** История древнеармянской литературы. – Ереван, 1975.
5. **Адонц Н.Г.** Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя. – Ереван, 1971.
6. **Алексидзе З.** Становление национальных церквей на Кавказе // Кавказ и глобализация. – Том 2. Вып. 3. 2008. С. 161–169.
7. **Амиранишвили А.И.** Иберия и римская экспансия в Азии (К истории древней Грузии) // Вестник древней истории (ВДИ), 1938. № 4. С. 161–173.
8. **Анчабадзе З.В., Дзидзария Г.А., Куправа А.Э.** История Абхазии. Учебное пособие. – Сухум: Изд-во «Алашара», 1986. 264 с.
9. **Арутюнова-Фиданян В.А.** Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. – М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. 236 с.
10. **Браунд Д.** Римское присутствие в Иберии и Колхиде // ВДИ, 1991. № 4. С. 34–52.
11. **Виноградов В.Б.** Сарматы Северо-Восточного Кавказа. – Грозный: ЧИ книгоиздат., 1963. 221 с.
12. **Габриелян Р.А.** Армения и Атропатена. – Ереван: Изд-во РАУ, НАН РА, 2002. 318 с.
13. **Гаджиев М.С.** К изучению права Кавказской Албании // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Мг., 2006. Вып. XVI/1. С. 243–258
14. **Гиоргадзе Г.Г., Шифман И.Ш.** К интерпретации Ар-

- мазской билингвы (строки 7–8 арамейскографического текста) // ВДИ. 1988. № 4. С. 168–181.
15. **Гранин Ю.Д.** Этносы, национальное государство и формирование российской нации: Опыт философско-методологического исследования. – М.: ИФ РАН, 2007. 167 с.
16. **Залеская В.Н.** Ранневизантийская глиптика в собрании Эрмитажа (IV–VII вв.) // ВДИ. 2001. № 2. С. 168–177.
17. **Древнейшие** государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985.
18. **Еремян С.Т.** Великий пример братского сотрудничества народов // Кавказ и Византия. Вып. 2. – Ереван, 1980. С. 5–14.
19. **Иванов С.А.** Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? – М.: Языки славянской культуры, 2003. 376 с.
20. **История** Азербайджана. – Баку, 1958.
21. **Казанский М.М.** Позднеримская/ранневизантийская армия и Западный Кавказ // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Е.И. Крупнова (XXIV Крупновские чтения). – М.: ИА РАН, 2004. С. 88–90.
22. **Качарова Д.Д., Квирквелия Г.Т.** Города и поселения Причерноморья античной эпохи (малый энциклопедический справочник). – Тбилиси, 1991.
23. **Кнабе Г.С.** Корнелий Тацит. (Время. Жизнь. Книги). – М.: Наука, 1981. 208 с.

24. Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. I. 395–518 гг. – Спб., 1996 [1913].
25. Ломоури Н.Ю. Рим и Иберия (историческая картина II в.) // Вопросы истории (ВИ), 1973. № 1. С. 213–217.
26. Ломоури Н.Ю. Грузино-римские взаимоотношения. Ч. 1. Политические взаимоотношения. – Тбилиси, 1981.
27. Ломоури Н.Ю. К истории взаимоотношений Лазского (Эгрисского) царства и Византии в V в. / Византийские очерки. – М.: Наука, 1982. С. 23–36.
28. Лэнг Д. Армяне. Народ-созидатель. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 350 с.
29. Лэнг Д. Грузины. Хранители святынь. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 223 с.
30. Мамуладзе Ш.Х., Халваши М.С., Асланишвили Л.Г. Римские гарнизоны Апсара // ВДИ. 2002. № 1. С. 33–39.
31. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. – Тбилиси, 1959.
32. Меликишвили Г.А. Список царей древней Картли (Иберии) // Культурное наследие Востока. – Л., 1985.
33. Моммзен Т. История Рима. Т. V. – М.; Л.: Изд-во иностран. лит., 1949.
34. Муравьев С.Н. Новый труд по древней географии Кавказа и Закавказья (The Geography of Ananias of Sirak... by R.H. Newsen) // ВДИ, 1997. № 2.
35. Мцхета. Итоги археологических исследований. I. А. Апакидзе, Г.Ф. Гобеджишвили, А.Н. Каландадзе, Г.А. Ломтатидзе. – Тбилиси, 1958. 282 с.
36. Очерки истории Грузии. Т. I. Грузия с древнейших времен до IV в. н.э. / Ред. Г.А. Меликишвили, О.Д. Лордкипанидзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1989.
37. Панарин С.А. Позиционно-исторические факторы Кавказской политики // Полис, 2002. № 2. С. 100–113.
38. Папаскири З. Абхазия и абхазы в общегрузинском этнокультурном и политико-государственном пространстве. Ч. I. // Кавказ и глобализация. Том 2. Вып. 2. 2008. С. 120–139.
39. Парфенов В.Н. Флавии и Боспор: к вопросу о римском «либерализме» // Из истории античного общества. Сб. науч. тр. Вып. 9–10. – Н. Новгород, 2007. С. 166–181.
40. Перевалов С.М. Легионы кавказского лимеса // Вестник Владикавказского научного центра (ВНЦ), 2007. № 4. С. 2–12.
41. Перевалов С.М. «Без посредничества персов»: Каспийско-Понтийский участок Великого Шелкового пути в древности // Древнейшие государства Восточной Европы (ДГ) 2009. – М., 2009 (в печати).
42. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. – М.: Индрик, 2002. 488 с.
43. Сини Ф. Право и рах деорум в древнем Риме // Ius Antiquum/Древнее право. – М.: Спарк, 2007. С. 8–36.
44. Спейдел М.П. Древнейший манускрипт с территории СССР. Письмо из римской крепости Апсар // ВДИ. – 1985. № 4. С. 176–179.
45. Чалоян В.К. Восток-Запад: Преемственность в философии античного и средневекового общества. – М.: Наука, 1979. 216 с.
46. Шелов Д.Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // Кавказ и Средиземноморье. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1980. С. 199–202.
47. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: ИКЦ Академкнига, 2003.
48. Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. – М.: Вост. лит., 2005. 686 с.
49. Тогошвили Г.Д. Сослан-Давид. – Владикавказ: Ир, 1990.
50. Тревер К.В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н.э.). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 293 с., XXIII табл.
51. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 391 с.
52. Турчанинов Г.Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. – В.: Ир, 1990. 240 с.
53. Фрай Р. Наследие Ирана. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Вост. лит., 2002.
54. Якобсон В.А. Проблемы периодизации древней истории // ВДИ. – 2009. № 3. С. 148–154.
55. Bosworth A.B. Vespasian's Reorganisation of the North-East Frontier // Antichon. – 1976. Vol. 10. P. 63–78.
56. Bosworth A.B. Arrian and the Alani // Harvard Studies in Classical Philology (HSCP). – 1977. 81. P. 217–255.
57. Braund D. Rome and the Friendly King. The character of the client kingship. – L. & Canberra, N. Y. – 1984.
58. Braund D. Hadrian and Pharasmanes // Klio. – 1991. 73. H. 1. P. 208–219.
59. Braund D. Procopius and the Economy of Lazica // Classical Quarterly (CQ). 1991. N.S. Vol. 41. P. 221–225.
60. Braund D. King Flavius Dades // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik (ZPE). 1993. 96. P. 44–50.
61. Braund D. Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 B.C. – A.D. 562. – Oxford, 1994.
62. Chaumont M.–L. L'Arménie entre Rome et l'Iran // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt (ANRW). – B.; N.Y., 1976. Vol. II. 9. 1. P. 71–194.
63. Ferrill A. The Grand Strategy of the Roman Empire // Grand Strategies in War and Peace. Ch. 5 / Ed. by P. Kennedy. New Haven; L., 1991. P. 71–85. Notes: P. 196–199.
64. Garnsey P., Saller R. The Roman Empire: Economy, Society and Culture. – L: Duckworth, 1987. 231 p.
65. Garsoïan N.G. Iran and Caucasia // Transcaucasia, Nationalism and Social Change: Essays in the History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia / Ed. By R.G. Suny. – Rev. ed. – Michigan: Ann Arbor, 1999. P. 7–23.
66. Harrison Th. Ancient and Modern Imperialism // Greece and Rome. – Vol. 55. No. 1. P. 1–22.
67. Luttwak E.N. The Grand Strategy of the Roman Empire. – Baltimore; L., 1974.
68. Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. Vol. I–II. – Princeton, 1950.
69. Mattern S.P. Rome and the Enemy. Imperial Strategy in the Principate. – Berkeley, 1999.
70. Pelham H.F. Arrian as a Legate of Cappadocia // English Historical Review (EHR). – 1895. 44. P. 625–640.
71. Plontke-Lünig A. Römische Wohnkultur in Georgien // Prinzipat und Kultur im 1. und 2. Jahrhundert. – Bonn, 1995.
72. Syme R. Hadrian and the Vassal Princes // Athenaeum. – 1981. Vol. 59. P. 280–281.
73. Thomson R.W. The Origins of Caucasian Civilization: the Christian Component // Transcaucasia, Nationalism and Social Change: Essays in the History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia / Ed. By R.G. Suny. – Rev. ed. – Michigan: Ann Arbor, 1999. P. 25–43.
74. Toumanoff C. Studies in Christian Caucasian History. – Georgetown UP, 1963. 600 p.
75. Traina G. Due note sull'identita politica nel Caucaso antico // Gli stati territoriali nel mondo antico / A cura di Bearzot C. et al. – Milano: Vita e pensiero, 2003. P. 317–326.
76. Vinogradov J.G. The Goddess Ge Meter Olybris. A New Epigraphic Evidence from Armenia // East and West. – 1992. 42. P. 13–26.
77. Wheeler E.L. Rethinking the Upper Euphrates Frontier: Where was the Western Border of Armenia? // Roman Frontier Studies 1989. Proceedings of the XVth International Congress of Roman Frontier Studies / Ed. by V.A. Maxfield, M.J. Dobson. – Exeter, 1991. P. 505–511.
78. Wheeler E. A New Book on Ancient Georgia: A Critical Discussion // The Annual of the Society for the Study of Caucasia. 1994–96. 6–7. P. 51–78.
79. Wheeler E.L. From Pityus to Zeugma: The northern sector of the eastern frontier 1983–1996 // Roman Frontier Studies. Proceedings of the XVIIth International Congress of Roman Frontier Studies. – Žalau, 1999. P. 215–229.
80. Wheeler E.L. Southern Armenia as a Roman Frontier: Sophene 188 B.C. 299 A.D. // Armenian Tsopk/Kharper / Ed. By R.G. Hovannisian. Costa Mesa, 2002. P. 87–122.
81. Woolf G. Roman peace // War and society in the Roman world / Ed. By Rich J., Shipley G. – L.; N.Y., 1993. P. 171–194.